

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНА
САКРУ

Мой
самый-самый
~~БЫВШИМ~~

Ана Сакру
Мой самый-самый...
Серия «Керефовы-Лютики», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69276343

SelfPub; 2023

Аннотация

2 ТОМ
Когда вам двадцать, вы уверены, что главное – это любовь. Все остальное приложится. Вместе с любимым, идя рука об руку, вы всё сможете, всё преодолеете, всё переживёте. Весь мир у ваших ног! Но, когда вам становится ближе к сорока, оказывается: – что преодолеть вы можете далеко не всё – что даже в самом радужном мире могут сдохнуть розовые пони – что кризисы среднего возраста и отношений не выдумки психологов, а вполне реальные проблемы, которые сложно пережить. Пережить и вспомнить, с чего начиналась эта любовь. Повествование от обоих героев. ХЭ
Первая часть " Мой самый-самый бывший "

Содержание

1. Лиза	4
2. Лиза	9
3. Лиза	15
4. Лиза	24
5. Лиза	29
6. Лиза	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ана Сакру

Мой самый-самый...

1. Лиза

После бурной сцены на кухне, воздух в квартире искрится высоковольтным напряжением. Одеваемся в коридоре с детьми молча, толкаясь в маленьком пространстве. Особо не смотрим друг другу в глаза – каждому есть, о чем подумать. Гурьбой заваливаемся в лифт, высыпаем из подъезда и топаем к моей машине, мешая зимними ботинками подтаявший снег.

По дороге в школу Левка молчит как партизан, уставившись в окно, Алиска что-то несвязно рассказывает непонятно кому, не выдерживая тишины в салоне. Я ей поддакиваю невпопад. Когда торможу у школы, невольно чувствую облегчение. Хочется уже одной побыть. Хотя бы по дороге на работу.

– Ребят, удачного дня! Ну, вы поняли, меня раньше десяти не ждать. У меня центре повышения квалификации занятие сегодня первое, – решаю все-таки сказать истинную причину моей позднего возвращения с работы, чтобы не накручивали

себя.

Алиска на это моргает и расплывается в улыбке.

– И тебе удачи, мам! – щебечет.

– Могла бы и сразу сказать, – бурчит недовольно Левка, вылезая из машины, – Все, мам, пока!

– Лев! – торможу его.

– Что? – оборачивается, придерживая дверь.

– Отец не звонил? Он же едет еще? – не могу ничего с собой поделать – я волнуюсь.

Зимняя трасса не самая простая, дорога дальняя, а Сашка может и гнать до победного, игнорируя сон. Тем более, если едет один.

– Писал полчаса назад, что под Ростовом остановился поспать, – хмурит брови Левка, а потом ехидно сверкает серыми отцовскими глазами, – Но могла бы и сама спросить у него. Или слабо?

– Двоек не нахватай, умник, – хмыкаю в ответ и, потянувшись к ручке, сама захлопываю его пассажирскую дверь,

оставляя детей на обочине.

На работе утро понедельника начинается с большого совещания, которое Ариэль проводит лично. И после наших совместных выходных, таких неоднозначных, мне приходится собрать всю свою силу воли, чтобы не попытаться притвориться мертвой и пойти вместе с Ириной Владимировной в переговорную при кабинете Коца.

Нас туда набивается человек двадцать – вполне приличная толпа, в которой я надеюсь затеряться. Мне неловко за многое. За наши откровенные поцелуи, за сцену в той кабинке, за мой отказ, за следующий день, когда я просто сбежала от Ариэля, заказав себе буквально все СПА процедуры, которые вообще были представлены в прайсе гостиницы. В четвертом часу дня он позвонил и сказал, что ему уже пора возвращаться в город. Я с наигранным сожалением выдала, что у меня еще массаж воротниковой зоны и медовое обертывание по плану, так что пусть уезжает без меня. Я не буду обижаться. «Это уже я скорее в праве обижаться на тебя, Лиза», – выдал Ариэль и повесил трубку. Я не стала перезванивать. А пошла на рецепцию СПА комплекса и попросила еще записать меня на педикюр, хоть в нем и не нуждалась.

Но чтобы наверняка...

Я такая трусиха!!!

И вот он – час расплаты. Мне придется посмотреть в глаза этому мужчине сейчас, когда в переговорной сидит еще двадцать человек. И я нервничаю, и мне неловко. И еще я глупо надеюсь, что он просто проигнорирует меня. Или... Не знаю, какой-то части меня все-таки будет дико обидно, если после всего произошедшего Ариэль отступится и сделает вид, что и вовсе ничего не было. Наверно, это раненное мужем самолюбие и вера в себя дают о себе знать.

И вот я примостилась на самом краешке стула в конце бесконечного стола словно куропатка, готовая в любую минуту убежать при виде подкрадывающейся лисы, и сижу, нервно покусывая губы, вспоминая, что он их целовал.

– Всем доброе утро, – звук распахивающейся двери совпадает с раздавшимся прямо над моей головой глубоким поставленным голосом Ариэля.

– Доброе, здравствуйте, доброе... – проносится нестройное по переговорной.

Оборачиваюсь и успеваю заметить, как Коц, прежде чем пройти к своему креслу во главе длинного стола, успел хищ-

но посмотреть на меня.

Всем дико рада!

2. Лиза

Колкие мурашки ворохом рассыпаются по предплечьям. Смутное ощущение вины, смешанное с предчувствием опасности, лишь усиливается. Утыкаюсь взглядом в блокнот перед собой, не желая поднимать глаза. В кабинете повисает подобострастная тишина, пока Ариэль усаживается в свое кресло.

– Что ж, приступим, – откашливается Коц в кулак где-то в другом конце кабинета, – Итак, у нас выигран тендер на проведение аттестации сотрудников «Сбербанка». Эмма Ефимовна...

Перестаю слушать слова – в них пока нет ничего, касающегося непосредственно моей работы, лишь мысленно покачиваюсь на приятном бархатном голосе Ариэля. Он у него плавный, глубокий, уверенный, очень запоминающийся. Не исключаю, что это не природный дар, а результат каких-нибудь пройденных курсов ораторского мастерства. И я не могу сейчас не думать о том, что, когда Коц возбуждается, его голос звучит совсем по-другому. Более резкий, отрывистый, шероховатый. Я не уверена, что эти мысли мне приятны, скорее они заставляют нервничать, но то, что они меня не отпускают – факт. Я теперь по-другому воспринимаю Ариэля. Не могу не видеть в нем мужчину. Не почти бесполого

галантного ухажера, как раньше, а мужчину...

– Елизавета Тиграновна...

– Да? – резко вскидываю голову, встречаясь с Коцем взглядом.

– Вы внесли в сайт изменения, – говорит ровно, откидываясь в своем глубоком кресле и складывая пальцы домиком.

– Да... – киваю, не совсем понимая по его тону, это претензия, похвала или просто констатация факта.

Молчит, смотрит в упор, словно разглядывает прищипленную булавкой бабочку. Непроизвольно облизываю губы, выдерживая его взгляд. Глаза всех присутствующих сейчас направлены на меня. Это внезапно тяжело выдерживать. Пауза затягивается, я уже было открываю рот, чтобы начать оправдываться, потому как чувствую себя неловко, но Ариэль вдруг расплывается в скупой одобрительной улыбке.

– Неплохо сделано, ваша идея?

– Мы согласовали с Ириной Владимировной, – чувствую, что розовею от его похвалы при всех. Как ни крути – приятно.

– Ясно, – кивает коротко, – Ирина Владимировна...

И переключается на мою начальницу, уже интересуясь чем-то у нее. Оставшиеся пятнадцать минут рассеянно слушаю, как Коц нарезает начальникам отдела задачи. И не могу избавиться от ощущения, что заговорил он со мной только для того, чтобы заставить посмотреть ему в глаза.

Когда совещание заканчивается, и Ариэль всех отпускает,

подскакиваю со стула одна из первых. И, как оказывается, зря. Потому что в ту же секунду он просит меня задержать-ся совершенно бесстрастным тоном. Падаю на стул обратно, пока остальные сотрудники гуськом выходят из кабинета. Нервно тереблю листочек из блокнота, наблюдая за Ариэлем, сидящем во главе стола в доброй тройке метров от меня. Глухой топот ног, возня и дверь в переговорную захлопывается за последним выходящим человеком.

Ариэль тут же встает со своего кресла, несколько быстрый шагов, и он уже берет в ладони мое лицо и целует в губы. Мягко, но уверено. Будто у него даже сомнений нет, что может быть по-другому. А я настолько ошеломлена, что просто замираю, не отталкивая и не поощряя. Только глазами хлопаю, пытаюсь осознать.

В его мире мы уже полноценно встречаемся, да?

– Как добралась? Извини, замотался, дела были вечером. Хотел позвонить и вылетело из головы, а потом уже было поздно, – он присаживается на стол передо мной и шутливо поддевает меня за подбородок, на что я только еще сильнее таращу глаза.

– У тебя сегодня много работы? – продолжает Ариэль как ни в чем не бывало, – Можем поужинать вместе.

– А я... Я записалась на курсы повышения квалификации в нашем центре, сегодня иду на тестирование, так что никак... – сглатываю и добавляю дежурное, – Извини.

– Хм... Тогда может пораньше уйдешь, а на тестирование

я тебя отвезу? – выгибает Ариэль соболиную бровь.

Сглатываю опять и начинаю душно краснеть. Самое смешное, что мне даже отговорки придумывать не надо. Мой день действительно сегодня забит под завязку, и я не смогу...

– Прости, никак. После обеда я еду в нашу гостиницу на Люблинской, у меня там встреча- знакомство с Мусаиновым, а потом вот... Сразу на курсы, – виновато улыбаюсь.

– Лиза, ты неуволима, – трет костяшкой указательного пальца бровь Ариэль и мягко улыбается, будто это ничуть его не задевает, – Ну значит в обеде ты уже не сможешь мне отказать, а потом поедешь на Люблинскую, договорились?

– М, к чему такая настойчивость? – пытаюсь за кокетством скрыть легкое раздражение от того, что меня загоняют в угол как волка по флажкам.

– Ничего глобального, просто хочу провести время с тобой, – Ариэль издевательски расслаблен в отличие от меня. Настолько, что умудряется снисходительно добавить.

– Ну все, беги работать пока. Перед обедом я тебе позволю.

Беги?! У меня брови подлетают.

И задевает, и злит. Я что? Козочка на лужку? Вспыхиваю, подрываясь с места.

– Ладно, раз приказываешь, побегу, – цежу сквозь зубы с плохо скрываемым едким раздражением.

Ариэль тихо хмыкает и перехватывает меня за талию, когда делаю шаг от него. Резко притягивает к себе, так что ока-

зываюсь между его расставленных ног. Охаю и не успеваю сообразить, как он уже опять целует меня, только теперь с языком. Сминая мои губы, шаря руками по заднице, вдавливая мои бедра в свой пах. Не успеваю оттолкнуть, да даже просто сообразить, как уже отпускает. Болотно-зеленые глаза удовлетворенно блестят, с умным видом поправляет ворот моей блузки. Хмыкает хрипло:

– Ты такая импульсивная, Лиза.

– Кто бы говорил, – фыркаю, пятясь от него на нетвердых ногах.

Не знаю, как вообще на это все реагировать. Но... похоже от меня никаких особых действий никто и не ждет, да?

Ариэль на мое саркастичное замечание лишь смеется.

– Знаешь, я уже и сам забыл, что могу быть таким. Но с тобой это легко, оказывается.

После такого сосредоточиться на работе стоит неимоверных усилий и, если бы не неотложность некоторых дел, я бы и не смогла. И все равно, как бы я не была загружена, чем ближе приближался час обеда, тем тяжелее мне было себя организовать.

Самая большая проблема в том, что я не могла понять, как я отношусь к происходящему.

Мой поистине скромный опыт общения с мужским полом не давал ответа на столь сложный вопрос. До Сашки у меня был только один более-менее серьезный поклонник, если не

считать всякие школьные влюбленности. И с тем товарищем все было проще – физически он меня не привлекал. Мне не нравился вкус его поцелуя, стерильный запах его тела, слишком мягкая кожа на руках. С ним было легко не переступить черту просто потому, что желания даже близко подкрадываться к этой черте не было.

А потом появился Сашка и... все!

Черта? Что это вообще? Да я была готова по снегу босиком километр топать, лишь бы он просто меня поцеловал.

Какие могут быть сомнения, когда влюбляешься ТАК?!

С ним я переживала только об одном – а он так же сильно любит меня, как его? Он за мной по снегу пойдет?!

Вот и выходило, что в моей не такой уже короткой жизни не было таких мужчин, как Ариэль. Которые бы привлекали меня и интеллектуально, и физически достаточно сильно, чтобы вызывать живой интерес, но не настолько, чтобы ощутить влюбленность.

Наверно, если бы мы расстались Сашкой не чуть больше месяца назад, я бы даже не думала. Наверно...

Но я же не могу просить Коца подождать годик или два. Смешно...

3. Лиза

В итоге, когда за пятнадцать минут до обеденного перерыва мне звонит Ариэль, чтобы пригласить в уже знакомый мне французский ресторан напротив нашего офиса, я вся как на иголках.

Мои желания слишком эгоистичны, чтобы можно было их озвучить напрямую. Я не против принимать ухаживания Коца, они мне бесспорно приятны, поднимают настроение и повышают уровень эндорфинов в крови, но не более того. И мне не хватает опыта флирта, чтобы удержать отношения на этой грани с таким мужчиной как Ариэль. Он вроде бы и не принуждает меня ни к чему. Нет. Но его мягкая сила эффективней любого прямого приказа. И сама чувствую, как постепенно поддаюсь. Это раздражает и дезориентирует.

Но с другой стороны...Ну а что мне терять?!

И все же внутренне я готовлюсь защищаться, испытывая большое эмоциональное напряжение. Я почти уверена, что Ариэль снова будет пытаться меня поцеловать и заговорит на личные темы. В ресторан я захожу словно ступаю на поле боя. Администратор провожает меня к дальнему столику в отдельном зале, за которым мы уже сидели с Коцом раньше. Ариэль уже там, расслабленный, откинувшийся на спинку мягкого стула-кресла, наблюдающий за моим приближени-

ем из-под полуопущенных век. Упрямо вздергиваю подбородок, натягиваю улыбку – слишком вежливую, чтобы быть открытой. Коц улыбается в ответ. Встает и галантно отодвигает мне стул.

– У них сегодня свежая дорадо, – первые его слова, обращенные ко мне.

– Советуешь? – даже не открываю меню.

– Определенно, – складывает пальцы домиков, совсем как в переговорной, когда при всех обратился ко мне.

– Хорошо, последую, – соглашаюсь я, решая, что у нас есть более острые темы для прений за этим обедом.

И как же я ошибаюсь!

Ариэль за весь час, что мы проводим вместе, не делает ровным счетом ничего, чтобы могло меня задеть или насторожить. О каких поцелуях против воли может идти речь, когда он даже ни разу не попытался меня коснуться. Ни одного неудобного вопроса, ни намек, ни требования. Мы просто болтали. Болтали и все. Ариэль рассказывал забавные истории о тех людях, с которыми я познакомилась на банкете в выходные, шутил, передавал пикантные сплетни, спрашивал, как отдохнула я. Потом наш разговор незаметно перетек на работу, затронул курсы, мое видение собственных перспектив.

Коц говорил мягко и расслабленно, был безупречно галантен, и, может быть, только цепкий темнеющий взгляд его болотных глаз напоминал мне о том, как он лапал меня, на-

сильно целуя, утром.

И внутреннее напряжение из –за этого не исчезало никак, взвинчивало мой эмоциональный фон до предела. Смех звучал громче, пальцы нервно поглаживали тонкую ножку бокала с минеральной водой, губы пересыхали и все время тянуло их облизать, перехватывая взгляд мужчины напротив.

Это ожидание, что он снова выкинет что-то подобное, нападет как утром, заставляло думать только об этом. Под конец нашего обеда я уже чуть ли не хотела, чтобы Коц вновь перешел черту, потому что просто сидеть и думать об этом оказалось достаточно сложным испытанием.

Если это был четко рассчитанный психологический прием, то на мне он прекрасно работал. Я ведь приготовилась отбиваться, а на меня никто не нападал!

Мы так и расстались у дверей ресторана, не затронув ни один личный вопрос. Коц лишь коротко кивнул мне, садясь свой Майбах – у него была назначена встреча на Чистых прудах, а я, слегка обескураженная, вернулась в офис.

И только через два часа, когда я уже проходила в кабинет управляющего нашей гостиницы на Люблинской, мне пришло письмо от Ариэля. Всего одно предложение: «Очень прошу сопровождать меня, Лиза» и прикрепленный билет в Большой в ложу на эту среду со стыдливо замазанной ценой.

Я зависаю, кусая губы, щеки вспыхивают. В крови взрывается эгоистичное теплое удовлетворение. Его вежливое равнодушие на обеде было наносное. Мне не показалось. И мне

приятно, что и говорить. Ариэль умеет ухаживать красиво – у него не отнять. И, как я начинаю понимать, умеет искусственно повышать градус напряжения. Да, я понимаю, что он манипулирует мной, но мне лестно, что он так старается.

– Елизавета Тиграновна, – окликает меня Константин Львович, управляющий, посреди кабинета которого я замерла, крепко сжимая в руке телефон.

– Извините, да, Ариэль Гадович инструкции прислал, – отмираю, как можно лучезарней улыбаюсь мужчине и, быстро напечатав «Сопровожу» Коцу, прячу телефон, – Очень приятно познакомиться, Константин Львович. Может быть сразу перейдем к экскурсии по гостинице? Хочу всё у вас посмотреть.

К концу официального рабочего дня я так устаю, что на курсы идти совершенно не хочется. Эмоционально я полностью вымотана и опустошена. И, если бы не тот факт, что учебный центр находится в соседнем здании с гостиницей, где я провела последний час, знакомясь в руководящим персоналом, то я бы наверно все перенесла, но...

Сам центр оказывается достаточно большим современным зданием в три этажа со своим кафе, коворкингом на первом этаже и большой зоной отдыха на втором. Администратор, молодой парень хипстерского вида, вежливо и подробно объясняет мне, как пройти к Софье Сергеевне, старшему коучу центра. Пока поднимаюсь на лифте на тре-

тий этаж, мысленно готовлюсь встретить такую же степенную даму как Эмма Ефимовна, и в итоге испытываю легкий шок, когда передо мной предстает маленькая чуть полноватая девчонка точно моложе тридцати, с короткой стрижкой, огненно-рыжими прядями в каштановых волосах, в кедах и толстовке с логотипом центра и невероятно обаятельной улыбкой.

– Я – Соня, привет, – она бодро пожимает мне руку и от нее такой положительной энергией прет, что я невольно забываю, что устала как собака.

– Лиза, – улыбаюсь в ответ, пожимая ее мягкую горячую ладошку.

– Очень приятно, – несмотря на несколько лишних килограммов Соня буквально порхает по своему заставленному всякой красивой дребеденью кабинету, невероятно быстро перемещаясь из точки в точку и наводя забавную суету, – Ну что, давай начнем с профтестирования, а там уже по ходу пьесы разберемся, да? Кстати, может что-нибудь хочешь? Чай, сок, кофе?

Подмигивает.

– Ну, давай, – сажусь в кресло для посетителей напротив ее стола, наблюдая за этой приятной мне девушкой, – И от кофе не откажусь.

– Отлично, я тоже, – она тут же подсказывает с места, – Я Любу, свою помощницу уже отпустила, так что сейчас принесу и начнем.

Когда возвращаюсь домой, дети уже укладываются спать. Встречаю Левку на кухне в одних трусах, Алиска валяется в кровати, уткнувшись носом в телефон.

– Привет, как курсы? – интересуется сын, доставая из холодильника яблочный сок.

– Да пока никак, только прошла профтестирование, – пожимаю плечами.

– М, и как? – выгибает пшеничную бровь.

– Мое призвание – работать с людьми и чему-то их учить, – выдаю с улыбкой, отбирая у него пакет с яблочным соком и отпиваю сама.

– Ну поучить ты любишь, – вздыхает сын страдальчески, наблюдая за тем, как пью.

– Как школа? – интересуюсь.

– Стоит, – пожимает худыми плечами.

– Отец доехал до дома?

– Спроси у него сама, – ехидно щурится.

Закатываю глаза и ору на всю квартиру.

– Алиска! Папа уже в Домбае?

– Да! Часа два назад звонил, – кричит мне в ответ.

Подмигиваю сыну, пока он издает возмущенное «пф-ф-ф», а потом стукаемся кулачками с ним.

– Все, я спать, завтра вечер свободный, можем в кино сходить, если хотите.

– У меня укулеле, мам, – орет Алиска из детской.

– А меня на день рождения пригласили. И мне к стати деньги нужны, – Левка смущенно чешет затылок, исподлобья поглядывая на меня.

– Кто пригласил? – устраиваю допрос.

– Одноклассница...

– Девочка? – поднимаю брови.

– Да ты просто Шерлок, – ерничает мой сынок, а у самого уши краснеют точь-в-точь как у отца.

– Симпатичная? Как зовут? Что подаришь? – становлюсь рядом с сыном, подпирающим задницей кухонную столешницу, и пихаю его локтем в бок.

– Мирра Ковалева. Мы ей на курсы по фотографии скидываемся, она увлекается, – бормочет сын.

– И цветы! – учу его.

– И цветы, – смиренно кивает.

Встречаемся с ним глазами. И у меня сердце щемит – так похож на отца.

– Ты уже у меня такой большой, – вздыхаю и пытаюсь Левку погладить по блондинистым волосам, но он уворачивается, фыркая, и отпрыгивает на добрый метр от меня.

– Ой, все, мам, я спать, с тебя три тысячи, – ретируется с кухни.

– Вот так всегда, – бурчу ему вслед.

Захожу к ним в комнату, чтобы поцеловать на ночь Алиску, выключаю детям свет, принимаю душ перед сном и ложусь сама.

Вот только сон не идет. Такой насыщенный был день, столько событий в нем было, новых знакомств, дел, волнений...

Но сейчас, когда я закрываю глаза в темноте своей спальни, в голове моей почему-то крутится только вчерашнее воскресенье, а не сегодняшний понедельник.

Может в этом виноват тонкий аромат розово-чайных роз, пропитавший всю мою комнату, а может то, что я весь день не позволяла себе вспоминать, как Сашка смотрел на меня, вручая этот букет.

И внутри так тревожно-тревожно... Тяжесть разливается и хочется плакать. Не знаю почему. Просто съедает тоска.

Он уже приехал... Что он сейчас делает? Время – первый час...

Спит уже наверно крепким сном в отличие от меня.

И я тоже пытаюсь заснуть, ворочаюсь, злюсь на себя, но никак. Мне беспокойно.

В какой-то момент рука тянется к телефону. Я даже уже сжимаю его гладкий корпус в руке. Не знаю, чего хочу. Точно не позвонить – тем более так поздно. Может быть написать? Что? Да просто спросить, как доехал. Он все-таки отец моих детей – это нормально за него волноваться, правда?

Но я не решаюсь, так и лежу в темноте с телефоном, широко распахнув глаза. Пока он вдруг не пиликает входящим сообщением. Когда вижу, что от Нины, покрываюсь липкой слабой испариной раньше, чем успеваю разглядеть, что же

она шлет. Ни слова не написала. Только фото. Ночь, пустынная дорога, которую я узнаю, и две фигуры идут по тротуару прочь от фотографа. Близко, очень близко друг к другу идут. Узнаю Сашкину спину и... Руки начинают дрожать, в горле пересыхает. Строчу в ответ.

Лиза: «Это когда?»

Нина: «Вот прямо сейчас» и смайлик с разведенными руками.

Отбрасываю от себя телефон, словно это ядовитая змея. Дышу с трудом, ком в горле так и не проходит, воздух застревает. Зато слезы высыхают тут же. Вот так вот, Лиза, не переживай, отлично у него все.

И у тебя тоже будет. Должно!

Встаю с кровати и прямо в окно выкидываю эти чертовы вонючие розы. Не закрываю после – хочется побольше нового морозного воздуха в спальне. Хочется дышать. Поплотнее укутываюсь одеялом и мгновенно засыпаю, чувствуя, как холод щиплет кончик носа и уши. Будто только что умерло то, что мешало спать.

4. Лиза

Когда я встаю на следующее утро, то чувствую странную холодную пустоту. И мне вдруг так с ней спокойно. Не хорошо, но спокойно. Наверно, мне не хватало именно этого.

Ощущения, что всё. Это конец. Мы действительно расстались. Надо дальше жить.

Ночью, когда я увидела Сашкино фото с Тишаковой, я вдруг осознала, что я ведь даже предъявить ему больше ничего не могу. У меня нет такого права. Нет.

Я сама от него ушла, сама твердила, что моя личная жизнь – больше не его ума дело. И что он волен строить свою.

И, похоже, он просто меня услышал. Дословно.

Ну а то, что это именно Надя...

Я пытаюсь не пускать в голову мысль, что возможно у них все началось гораздо раньше, чем Левка застукал их в походе, но не могу...

Может быть, не было физической близости, но симпатия точно была, раз он первым делом побежал к ней, да?

Ну и удачи ему с Тишаковой! Пусть вместе по своим чертовым горам лазают. Отличная пара!

Внутри снова закипает разъедающий гнев, но я уже легко нащупываю точку безразличной опоры и снова возвращаюсь в свое спокойное философское состояние.

Пусть живет...Счастья ему. Хоть с Надей, хоть с Гадей.
Мне все равно.

Я настолько погружаюсь в это чувство, что даже дети за завтраком замечают перемену.

– Мам, ты что такая...– Алиска щурится, вглядываясь в мое лицо и пытаюсь подобрать подходящий эпитет.

– Какая? – отпивая кофе, вопросительно выгибаю бровь.

– Тихая...

– Будто с успокоительными переборщила, – уточняет Левка, отправляю в рот сосиску.

Смеюсь. Я просто отпустила мысленно твоего папу, сынок. Но вслух это конечно не говорю.

– Выспалась, – улыбаюсь, – Но, если так просите, могу и покричать!

– О, нет, все устраивает! – хором охают дети.

На работе тоже выдается спокойный день, наполненный рутинными заботами, словно весь мир решил помочь мне продлить состояние эмоционального анабиоза. Даже Ариэль весь день отсутствовал, никак не беспокоя меня. Вечером по дороге домой заехала в учебный центр к Соне. Выбрали с ней для меня первую обучающую программу. Так как у меня не было практики выступлений перед большой аудиторией, а моя должность предполагала командировки на различные семинары, то остановились на коротком курсе по ораторскому мастерству, которые как раз сама Соня и вела. Попили

чай, похихикали, поболтали немного о личном, ближе узнавая друг друга. Она мне была очень симпатична, и я чувствовала, что и я ей.

Уже когда собиралась уходить, в кабинет к Соне зашел молодой парень лет двадцати семи – спортивный, симпатичный, просто одетый – в джинсы и футболку, от чего можно было оценить развитую мускулатуру на его смуглых руках и витиеватую татуировку – рукав.

Я сначала недовольно поджала губы, решив, что это один из посетителей, и подумав, что вообще – то принято стучаться. И каково же было мое удивление, когда Соня представила парнишку, которого звали Егором, директором этого учебного центра.

Мое замешательство было настолько очевидно, что Егор белозубо оскалился и выдал, что он просто гений, а внешность обманчива, и слегка поклонился. А я поняла, что слегка краснею. Неловкое вышло знакомство, но он и правда совершенно не производил впечатление руководителя хоть чем-то человека.

Думая об этом в машине, я пришла к выводу, что он вполне может быть просто чьим-то сыном. Надо будет потом у Сони спросить аккуратно, права я или нет. Мне стало интересно...

Вернувшись домой, застаю там только Алиску, недавно вернувшуюся из дома творчества с занятия по укулеле. Наскоро делаем с ней ужин, болтая. Пока едим, звоню Левке,

напоминая ему, чтобы в одиннадцать был дома как штык. Его недовольное «ла-а-адно» почти полностью перекрывает долбящая на заднем фоне музыка. Отужинав, Алиска уползает к себе в комнату делать уроки, а я включаю телевизор и бездумно щелкаю каналы, совершенно не представляя, чтобы я хотела посмотреть. В итоге торможу на старом- добром «Титанике». Там как раз момент, как Роуз спускается к Лео по лестнице. И я устраиваюсь поудобней в кресле -мешке, мысленно готовясь всплакнуть в самом конце, когда она его спихнет с несчастной двери в воду, и вот тут...

Оживает мой телефон.

Все в таком же равнодушно-коматозном состоянии, в каком прибывала весь день сегодня, я подношу к глазам экран, на котором светится «Мой самый-самый бывший».

Секунда, две...Моргаю.

И чувствую, как внутри словно лавина сходит, ревя. И снова эта боль и нервное возбуждение вперемешку. Невыносимые.

Ну все ведь уже, Саш...Оставь меня в покое, прошу.

Жмурюсь, не поднимаю трубку. А перед глазами эта фотка ночная стоит. Где он с ней. Опять.

Ну вот что он мне звонит, а???

Делаю вдох – выдох. Вытираю потную ладонь о домашние штаны. И все-таки смахиваю зеленую трубку.

– Да.

– Да, привет, Лиз, – его низкий голос вибрирует в трубке,

а у меня мурашки по затылку бегут.

Щелкаю пультом, выключая телевизор, встаю с места, не в силах сидеть, и отхожу к окну. Сашка все это время молчит, словно знает, что я сейчас делаю, и ждет, когда замру, чтобы его слушать.

– Зачем звонишь? – обнимаю себя за предплечье, уставившись невидящим взглядом на горящую ночными огнями Москву за окном.

Сейчас так отчетливо ощущаю, что он где-то там. Неве-
роятно далеко.

5. Лиза

– Кхм... – Сашка глухо откашливается.

Я прикрываю глаза, прижимаясь лбом к холодному оконному стеклу.

– Лиза, я билеты хочу детям купить на выходные. Вот, звоню посоветоваться.

Ах, билеты, точно, да... Зажимаю пальцами переносицу и отхожу от окна, стараясь игнорировать тонкий болезненный укол разочарования.

– Советуйся, – выходит немного грубо.

И у Сашки моментально меняется голос, звуча более напряженно.

– Вот смотрю рейсы на четверг. В восемь вечера во Внуково сможешь же их посадить, я в Минводах встречу.

– Почему на четверг, а не на пятницу? – хмурюсь, – Им же в школу.

– У меня группа на три дня, хочу взять их с собой.

– М-м, куда идете? – кусаю губы, снова падая в кресло-мешок.

Потихоньку мужской голос обволакивает меня, и я утопаю в этом разговоре, перестав так нервничать и очень четко представляя собеседника прямо перед собой. Саша будто в

этой же комнате, если закрыть глаза...

– Вдоль ущелий. – Так себе маршрут для зимы, Алиса...

– Она справится, – перебивает меня Сашка спокойно.

Я замолкаю. Он тоже молчит. Я слышу, как он дышит и, кажется, печатает.

– Им купил, сейчас скину тебе на почту. Лиз...

Обрывает себя, а потом тихо и хрипло:

– Тут в ряду три кресла. Я могу купить еще один.

Я открываю глаза. Внутри сжимается от жаркой волны слабости, прокатывающейся по телу.

– Лиза, прилетай... Просто скажи "да".

У меня перед глазами комната начинает плыть – не могу взгляд сфокусировать. Столько эмоций сразу накрывает, что все внимание обращено внутрь, а не вовне.

– Некому греть палатку, Саш? – выдаю после паузы дрогнувшим голосом, – А как же Надя? Она кстати идет?

Молчание в трубке в пару невыносимо долгих секунд.

– Нет, я переставил ее, – отстраненно.

– Что так?

– Она больше со мной ходить не будет. Нет у нас никаких отношений, – Сашка говорит это уверенно и ровно, словно вещевает раскапризничавшегося ребенка.

Чем только бесит меня!

– И я должна в это верить?!

Фото Нины, когда эти двое бредут вдвоем в сторону нашего дома в первом часу ночи, так и стоит перед глазами.

– Да, потому что я правду говорю.

Правду... Ну да... Секс же – не отношения!

– Еще скажи, что собираешься теперь соблюдать целибат! – фыркаю едко, раздумывая, пересылать ему вчерашнюю фотку или нет.

Если отошло, он точно пойдет Нину прессовать, скорее всего через Вахтанга или Теймураза, и потом она может и сообщать мне ничего больше не будет от греха подальше. А я...наверно... хочу знать.

Да и вообще...Какая мне разница! Если хочет с ней спать- пусть спит! Мы не вместе. Всё!

– Если ты скажешь, что у меня есть хоть один шанс тебя дождаться, то я буду ждать. У меня есть этот шанс, Лиз? – прерывает мои размышления Сашка глухим голосом.

Как обухом по голове. Забываю тут же, о чем думала. Молчим, учащенно дыша в трубку. Мысли мечутся испуганными птицами.

– Скажи правду, ты с ней был после...того...как...? Был? – у меня голос скатывается на рваный шепот.

Сашка не отвечает. Так долго, что я роняю лицо на ладони и чувствую, как горячая влага собирается на глазах. Я постепенно понимаю ответ. Это не как удар ножом, нет. Меня медленно трут наждачкой прямо по слизистым. Жжется, мучительно противно и больно...

– Вчера мы...Я был очень пьян, и...– Сашка сглатывает, его голос хрипло вибрирует у меня в черепной коробке, –

Но наутро я почувствовал себя полным идиотом. Пытался сегодня уволить ее.

Всхлипываю, вытирая тыльной стороной ладони влагу под носом на щеках.

– И что? Не получилось? – хмыкаю с сарказмом.

– Она не хочет, а мне настаивать неловко, пиздец, по идее это мне себя увольнять надо. И я не знаю, как это все обставить, чтобы так стрёмно себя не чувствовать, – Сашка невестело смеется в трубку, и его тон такой до боли знакомый.

Как часто он именно так рассказывал о своих проблемах, ждал, что я скажу. Сама не замечаю, как снова утопаю поудобней в кресле- мешке и рассеянно глажу пальцами телефон.

– Прости, что говорю тебе все это, Лиз. Смешно, но мне больше некому на такое жаловаться, – добавляет, и я почти вижу, как он по привычке трет лоб, прикрыв глаза и качая головой.

– Ну знаешь, ты у нас теперь свободный. Всех, кого трахнул – увольнять, так и сотрудниц не напасешься, – истерически хихикаю.

– Смешно, да, – ржет мне в тон, – Тут главное с тоски на сотрудников не перейти...

Прыскаю со смеху, представив Сашку, кругами ходящего вокруг Теймураза. И опять замолкаем. У меня внутри горит все и одновременно как-то странно отпускает. Это какой-то невероятно откровенный разговор.

– Приедь, пожалуйста... – опять начинает через пару секунд, – Я могу поменяться. Хочешь, съездим куда-нибудь? По Тбилиси, например, погуляем. Как тебе?

– Я не поеду, Саш...

– Планы на день влюбленных? Фаршмак манит? – взрывается тут же.

– Знаешь, после того, что ты только что рассказал, эти твои вопросы – это просто смешно.

– Мне плевать смешно или нет, – огрызается, – Я не могу тебя не ревновать.

– Придется учиться.

Опять молчим. Сашка сопит в трубку, злится. А я слушаю и слушаю его. Это все равно всё такое родное. И я кормлю свою ненасытную тоску новыми моментами, которые можно бережно сохранить и потом вспомнить.

– Лиза, я приеду к вам на праздники двадцать третьего, – давит тоном.

– А вот сейчас про планы не хочешь спросить? – язвлю.

– Я спрашивал у детей, они собирались в Питер к деду, но у него там дела какие-то срочные, так что планов у вас пока нет, и дети меня ждут.

Возмущенно фыркаю в трубку. Договорился уже, молодец какой. И опять в обход меня. Надо поговорить с мелкими на будущее – они прямо как диверсанты. Ведут тут подрывную деятельность...

– Ладно, хорошо. Но ты же помнишь, что у меня останав-

ливаться больше нельзя. Я не шучу, Саш. Отставляю ночевать в подъезде. Так что ищи гостиницу или договаривайся с Ратмиром.

– Боишься, что опять со мной переспишь? – хмыкает хрипло.

– В том числе, – бормочу.

– И что в этом плохого? – тихо, – Или изменять "рыбе" своей не хочешь?

– Он тут не причем. Просто мне очень плохо потом, – признаюсь почти шепотом.

Сашка шумно выдыхает и наверно снова трет свой многотрадальный лоб.

– Хорошо, Лиз, я посмотрю гостиницы поблизости. Только других планов, пожалуйста, не строй.

6. Лиза

14 февраля.

– Ну, девчонки, за нас! Мы друг друга любим дольше, чем все наши мужики, вместе взятые! А значит это наш праздник! – провозглашает Кира первый тост.

Мы с Владой смеемся и тоже поднимаем бокалы. Звон встречающегося стекла тонет в первых стандартных для караоке аккордах. На небольшой сцене в центре погруженного в полумрак зала какой-то презентабельный лысеющий мужчина готовится спеть про лебедя на пруду для своей дамы, сидящей от нас через пару столиков. А мы заранее готовимся не смеяться слишком громко, так как он не попадет ни в одну ноту из принципа, судя по первой исполненной строчке.

Сама не понимаю, как в эту пятницу, четырнадцатого февраля, я в итоге оказалась в переполненном караоке баре неподалеку от своего дома в компании Киры и Влады. По идее я должна была провести этот знаковый вечер дня всех влюбленных с Ариэлем, но у Влады муж неожиданно сорвался в командировку, Кирил Ося слег с гриппом еще позавчера, а я...

Я как обычно испугалась в последний момент, потому что свидание Ариэль назначил мне на смотровой площадке... гостиницы. Ночная Москва конечно дико романтична с высоты, но, когда ты точно знаешь, что для тебя еще заказан но-

мер с джакузи, то сложно думать только о расстилающихся перед тобой бесконечных столичных огнях...

Не знаю, что со мной не так.

Мы ведь прекрасно сходили в Большой в среду, и это несмотря на то, что весь день я чувствовала себя разбитой после разговора с Сашкой.

Казалось, бывший муж уже все сломал, но он все равно умудрялся доламывать и доламывать меня, погружая на какие-то неизведанные глубины разобранного состояния. И вот я -просто кучка разбросанного лего с потерянной инструкцией, и, кажется, что место мне теперь только на помойке.

Но с Ариэлем я смеялась во время антракта и живо обсуждала постановку. А после мы отправились в ресторан, хотя уже было двенадцатый час, и дети возмущенно названивали. Но расставаться не хотелось, мы заболтались совсем. И на диванчике за уединенным столиком я позволила себя целовать.

Именно позволила – я не знаю, как еще точнее назвать это.

Не тянулась сама, особо не проявляла инициативу, но мне было приятно, чуть эротично и спокойно неимоверно. Мы находились в общественном месте, а Ариэль умел целовать ласково и не торопясь, когда это предполагали обстоятельства. Словно нежил меня. Мы тихо переговаривались между поцелуями, смотрели друг другу в глаза, выпитые пара бокалов вина слегка подогревали кровь, а потом...

Телефон пиликнул Сашкиным сообщением.

Саша: Ты спишь?

И все. Как отрубил.

Нет, я не ответила и даже не открыла его смс, Сашка не знал, что я прочла ее благодаря всплывающему экрану, и больше не писал ничего.

Но теперь в том же духе продолжать общаться с Ариэлем я просто не могла. Настроение неуловимо изменилось.

Я невольно стала думать, что Сашка хотел, что сейчас делает, он...один?

Ариэль что-то говорил мне все это время, обнимая за плечи, а я пропускала мимо ушей, и это его раздражало.

В итоге минут через двадцать мы попросили счет, и он повез меня домой в полной тишине. Только, когда я уже выходила из машины у своего подъезда, Коц бросил мне в спину:

– Давно мне никто так не трахал мозги, как ты, Лиза.

Я от неожиданности рассмеялась:

– Трахать – слово не из твоего лексикона, Ариэль. О-очень странно звучит.

На что он сощурился и криво улыбнулся:

– Я привык называть вещи своими именами. И могу и жестче, если попросишь.

– О, не стоит! Вообще прости меня, я просто устала, уже поздно, не бери в голову, – я пожимаю плечами и отступаю от машины на шаг, – И спасибо за вечер, все было чудесно.

Окидывает меня цепким взглядом, почесывая идеально

выбранный подбородок.

– Чудесно, да... Лиза, я завтра уезжаю в Питер, вернусь в пятницу вечером. Это будет четырнадцатое февраля. И я конечно хочу пригласить тебя.

– Куда?

– Я пришлю накануне, ну или... сделаю сюрприз, – немного хищно, хоть и очаровательно скалится, – Но вечер в любом случае за мной.

– Я подумаю над вашим предложением, – кокетничаю, чуть склонив голову набок.

– Лиза, – тихо рычит.

– Пока, Ариэль, – наклоняюсь в салон машины и быстро целую его в щеку.

Успевает перехватить мою голову, находит губы, жестко сминает их, толкаясь языком и удерживая меня за затылок. Мне неудобно так стоять – с задницей, торчащей из салона, и я, мыча и смеясь, вырываюсь.

– Все, пока! – оглядываюсь через плечо на прощание.

– Пока, – потемневшим взглядом провожает меня.

А ночью ворочаюсь и опять не могу уснуть. До тех пор, пока не пишу Сашке ответ. Почти в половину второго...

Лиза: Не сплю

И тут же прячу загоровшееся лицо в ладонях, отбрасывая телефон.

Зачем я это делаю? Зачем? Я бы и под пытками ответить не смогла.

И хорошо, что так поздно и он-то спит уже наверно. Должен спать...

Но через минуту мой телефон пиликает входящим сообщением.

Саша: Смотри, что я в облаке нашёл.

И видео какое-то прикрепил.

Не сразу включаю, сначала провожу пальцами по строчкам на телефоне, прикусив нижнюю губу. Сердце гулко стучит, разгоняя по телу жаркие волны. Даю себе пару секунд и нажимаю на просмотр.

А там видео с нашего отпуска в Тайланде лет десять назад, когда мы впервые оставили детей на попечение родителям. Эту запись я не смотрела ни разу и даже не подозревала о ее существовании. На ней я с инструктором и Сашкой в первый раз пытаюсь залезть (это по-другому не назвать) на сёрф.

Боже, Лютик что? Это снимал?! Позо-о-ор...

Сашка откровенно ржет с меня за кадром, не забывая орать ценные комментарии, я показываю ему фак в ответ и тут же падаю с доски, инструктор, молодой смуглый как ночь парень, выразительно закатывает глаза. Я снова вынырываю из воды, отплёвываюсь, красная уже вся, злая.

Неуклюже забираюсь на доску. Кое-как встаю, смешно раскорячившись. Пытаюсь снова хотя бы так поймать равновесие. Не получается. У меня всегда были проблемы с вестибулярным аппаратом, и Сашка это прекрасно знает, но все равно угорает как в последний раз. Я закипаю как чайник.

– Ну все, ну иди сюда, – Сашка все так же тихо ржет, но подплывает на своей доске ко мне вплотную, чтобы меня обнять и побаюкать.

А мне обидно до слез – у него-то все получается! Ну вот почему так!

– Ты самая лучшая у меня, самая-самая, – успокаивает, тиская в своих медвежьих объятиях и практически перетащив на свою доску к себе на колени, – Любимая моя девочка...

Камера в этот момент показывает лишь лазурную воду и часть доски. Сашка забыл выключить, наверно. Слышу только наши голоса.

– Отстань, я видела, как ты ржал! – всхлипываю я десятилетней давности зло и, судя по звукам, лезу крепче обниматься вопреки собственному возмущению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.